

Просто Лиля из Волковского

Несмотря на богатейший, накопленный за десятилетия кропотливой работы и долгой жизни в театре архив, как самый ценный дар хранит Людмила Борисовна Соколова записку следующего содержания: «Дорогому может быть единственному и искреннему своему другу и беззаветному помощнику милой Лилечке на добрую память о Ярославских годах. С чувством совершенно неоплатного долга и неизменной дружбы – Фирс. Ярославль 16 июля 1966». Дарственную надпись эту, сделанную некогда на обратной стороне фотографии рукою режиссёра Фирса Ефимовича Шишигина, столетие со дня рождения которого недавно отмечал Ярославль, Людмила Борисовна переписала в блокнот собственной рукою, дорогой же её сердцу снимок с автографом отдала театральному музею.

Собственно, по имени-отчеству – Людмилей Борисовной – её сроду никто не звал: с самого рождения и по сей день друзья, коллеги и даже едва знакомые люди, чуть сблизившись, тут же начинают её звать просто Лилей. Родилась такой маленькой, весило шестьсот, что на Людмиле никак не тянула», – шутит Людмила Борисовна. Детство было ли, светлое и радостное, прошло на улице Большой Октябрьской; жила семья Соколовых в доме, перепланированном из бывших конюшен богача Сорочина (собственно усадьба, в которой в советское время был тупиковый диспансер, располагалась неподалёку, наиско-

Когда началась война, вспоминает Людмила Борисовна, то первые месяцы жители дома прикидывали сроки её скорейшего окончания. Почему-то представлялось это так: однажды зазвонит стук в окно, и чей-то голос произнесёт: «Война кончилась к новому году!»

В школе Лиля отучилась, называется, на одном дыхании демонстрируя блестящие знания по гуманитарным предметам и полную беспросветность в области точных наук, и – при родителях-бухгалтерах Ошеломлённая таким образом в успеваемости девушкой учитель по химии даже шепнул ей перед экзаменом: «Ты Лиля, спиши!», а девочки-

подружки в ответ: «Да она и этого не сумеет!» Однако в педагогический институт на историко-филологический факультет поступила Лиля достаточно легко: сам Лев Сретенский, принимая вступительные экзамены, поставил ей «отлично».

Всю сознательную жизнь, едва освоив азбуку, Лиля читала запоем, а вот интерес к театру, которому было суждено стать всем в её жизни, проснулся на удивление поздно.

– В те годы перед зданием театра на стендах висели фотографии артистов, и, помню, я всё спрашивала у девочек, кто из изображённых на снимках – Нельский, а кто – Ромоданов. А они меня стыдили: «Ну и тёмная же ты, Лилечка! Нельского от Ромоданова отличить не можешь!»

Всё переменилось в одночасье, стоило Лиле посмотреть спектакль «Дубровский». Все роли в спектакле девушка вскоре выучила наизусть, с подругами при малейшей возможности разыгрывали сцены из постановки. С того памятного спектакля и по сей день не было у академического театра драмы имени Фёдора Волкова более беззаветного и преданного почитателя, чем Лиля Соколова.

По окончании института, когда подошла пора получать распределение, девушка не колеблясь выбрала Казахстан. Романтика непознанных земель неумолимо манила её за собой. В Москве, где необходимо было подписать документы, все рекламные тумбы оказались заклеены гастролями афишами Воронежского театра драмы.

– Крупным шрифтом везде было набрано – постановка Фирса Шишигина. Я тогда ещё подумала: надо же, какая странная фамилия – Шишигин, да и имя чудачковатое, фамилии под стать. Однако отметила, что в репертуаре театра есть спектакль «Алексей Кольцов» – о жизни и творчестве великого русского поэта, «Виринея» Сейфулиной... – это были знаковые для меня в то время имена и постановки.

На спектакли Фирса Шишигина Лиля тогда не попала – слишком мало было времени, однако имя почему-то запомнилось. Как оказалось впоследствии – совершенно не случайно.

По возвращении в Ярославль Людмила Борисовна недолгое время проработала библиотечником в школе-интернате № 6, потом устроилась заведовать музеем в театре имени Волкова. Главным режиссёром театра в это время был тот самый Фирс Ефимович Шишигин, имя кото-

фото Вячеслава ЮРКСОВА

рого показалось молодой девушке некогда столь странным. В это же время она заочно поступила в ГИТИС на театроведческое отделение. К слову, ей единственной из всего потока абитуриентов поставили за вступительную творческую работу пятёрку, и потом весь курс бегал просто посмотреть на «ту самую Соколову», которая так отличилась.

А в театре между тем начались репетиции «Детей солнца» Горького. Однажды Лиля «мышкой» прокралась на репетицию и... пропала.

– Сначала у меня даже в мыслях не было вести какие-то записи – я просто внимала всему происходящему, буквально открыв рот. Я впервые увидела, как рождается и создаётся спектакль – это просто чудо. По сей день считаю, что несчастны те люди, кто не видел репетиций Фирса! Недаром суфлёр Анна Васильевна говорила, что на репетиции Фирса билеты нужно продавать, как на спектакли. Дома я по памяти подробно записала увиденное и услышанное...

На следующие репетиции Лиля стала приходить, уже заранее вооружившись ручкой и блокнотом. Записи репетиций «Детей солнца» заняли несколько тетрадей. С душевным трепетом Лиля передавала их Фирсу, приложив записку – дескать, прочитайте, может быть, пригодится. Эти записи Соколова планировала включить в свою дипломную работу в ГИТИСе. Шишигин же, оз-

накомившись с записями, сказал, что читал репетиции спектаклей Вахтангова, Станиславского, других режиссёров, но нигде не встречал такой любви к актёрам, как в записях Лили. Он полюбил эти заметки, и более того, они положили начало долгой дружбе Фирса Шишигина с его восторженной почитательницей Лилей Соколовой.

– 5 декабря 1963 года я впервые пришла в дом к Фирсу Ефимовичу и его жене Лидии Макаровой, – торжественно произносит Людмила Борисовна.

Лиля очень быстро стала своим человеком в доме Шишигиных. Лидия Яковлевна, которую никто в театре иначе, чем Маса, не называл, прониклась к Лиле глубокой симпатией: у неё был один-единственный критерий оценки человека – тот, кто любит Фирса, дорог и ей. С того первого робкого прихода в гости и на долгие десятилетия Лиля буквально растворилась в жизни Фирса и Маси. Будучи страстной «книжницей» (это было ещё одно объединяющее её с Шишигиным увлечение), она доставала для него редчайшие книги, причём спектр читательских интересов обоих был настолько широк, что легко вмещал и «Искусство фортепианной игры» Нейгауза, и «Эволюцию физики» Эйнштейна, и «Инфельда» Галла.

Продолжала Лиля и свои репетиционные записи. Её об этом никто никогда не просил, но зная, что её подробные дневни-

ки репетиций помогают в работе Фирсу, она и помыслить не могла о том, чтобы прервать эту свою поистине подвижническую работу. Как ей это удавалось – ума не приложу! Ведь кроме увлечений театром, она тогда уже работала в управлении культуры – курировала работу сельских домов культуры, постоянно ездила в командировки; но при малейшей возможности – в обеденный перерыв, после работы, в выходные дни – она стремглав неслась в театр. Причём записанные на скорую руку черновики она ночи напролёт переписывала набело. За двадцать с лишним лет «летописных» трудов тетрадей накопилось больше сотни. И эти записи Лиля по сей день считает своей главной жизненной удачей.

– Правда, случалось, Фирс мне пенял: вот как я проваливаюсь на репетиции, так ты, Лиля, сидишь, строчишь в своей тетрадке, а когда у меня что-то удаётся, так тебя нет, – с улыбкой вспоминает Людмила Борисовна.

Потом стало не до записей. Сначала, в 1982-м, тяжело заболела Лидия Яковлевна. А едва выходила после операции Маса, слёг Фирс. Лиля дни и ночи напролёт дежурила у постели дорогого друга и кумира. ...Фирс Ефимович Шишигин ушёл из жизни в мае 1985 года. Маса пережила дорогого мужа на долгих два десятилетия, и все эти годы, вплоть до последнего её вздоха 1 августа 2004 года, рядом с нею была добрый и преданный друг

семьи Шишигиных Лиля Соколова.

...Несмотря на то, что впоследствии в театр пришли другие режиссёры, репетиционных записей Людмила Борисовна больше никогда не вела. Говорит, что не видела в этом никакой необходимости.

– Это неинтересно, средний уровень, в большинстве случаев решение спектакля взято, что называется, «с первой полки» Такой глыбы, как Фирс Шишигин, в театре больше не было Недаром, когда Иннокентий Смоктуновского спросили, кого он считает лучшим русским режиссёром, тот ответил – Шишигина.

Сам же Фирс однажды, перечитывая записи, сделанные рукою Лили, восхитился: это единственное, дескать, что от меня останется, и именно это может служить оправданием моей жизни.

Два года назад Людмила Борисовна Соколова и Евгений Цветков, ещё один преданный друг и почитатель талантов семьи Шишигиных, на свои собственные весьма скудные средства подготовили к печати и издали две скромные книги «Фирс Шишигин – режиссёр и педагог», куда вошли записи репетиций спектаклей и занятий со студентами Фирса Ефимовича. (На вторую книгу часть средств выделило управление культуры Ярославля, за что отдельные слова благодарности начальнику управления Валентине Зарецкой). Подобных изданий за всю историю театра – наперечёт, а между тем тираж обеих книг – меньше не бывает, сто экземпляров. Он почти весь разошёлся по рукам тех, кто помнит Фирса и Масю и кто их любил. С низким поклонном приняли книги в театральном музее имени Бахрушина в Москве.

...Однажды актёр Алексей Пшанский посвятил Людмиле Борисовне Соколовой такие строки:

Благословенна

*дочь Бориса,
Чей дух велик и разум свеж.
Хотя сама и не актриса,
Не режиссёр, и не помреж.
Но Ярославский театр драмы.
Какой он есть и раньше был
Никто сильнее этой дамы
Не прославлял и не любил.
Заметим, не пугаясь толков.
Что только Фирс*

*да Фёдор Волков
Сравниться в этом бы могли
С чаровательной Лилей.*

Лариса ДРАЧ.